

Федя живет в большом деревенском доме вдвоем с женой. Зовут жену Еленой, а он почему-то все время величает Егоровной. Хотя Егоровне всего сорок лет, и она даже не помышляет о пенсии — работает дояркой. Федя же возит почту. Детей у них нет.

Каждое утро он выносит на крыльцо седло и почтовую сумку, затем идет за лошадью и седлает. Потом долго пьет чай. Только после всего этого едет в центр, как он называет деревню, в которой почтовое отделение.

Федя очень любит животных. Кого только нет в доме! Две кошки живут в комнатах, и обе весьма чистоплотны. В большом хлеву обычно помещается корова Поляна и теленок. Две гусыни и гусь ночуют в загородке между хлевами, пять кур и один петух живут зимой в хлеву, а летом на верхнем сарае. Держат Федя с Еленой еще поросенка, правда, не каждый год, и всегда называют его одинаково: Кузей. Но самый умный среди всей этой многочисленной живности, это конечно же пес Валдай.

Так вот, Федя ежедневно ездит через лес за семь километров, чтобы привезти в эти края письма, газеты и переводы. Для этого колхоз выделил ему коня по кличке Верный. Федя сам ухаживает за ним. Не ставить же из-за одного Верного специального конюха?

В деревне когда-то была конюшня на сто двадцать лошадей. Теперь половина конюшни развалилась. Вторую, еще не разрушенную половину занимал один Верный. Скучно жить одному во всей конюшне, особенно зимой, когда такой собачий холод да еще почти без еды! Сена Верному, как и другим лошадям, которые стоят на центральной усадьбе, из-за плохого сенокоса нынче выделили мало. В зимнем рационе всего пять кило в сутки. Овса же, так обожаемого всеми лошадьми, нет и в помине. Но что значит пять кило сена для такого большого коня?

Обо всем этом я узнал, заехав сюда случайно. С Федей мы познакомились, как он говорит, «на базе рыбной ловли»; База эта была главной, но,

разумеется, не единственной. Я ночевал у Феди и зажился на несколько дней. А потом довольно часто приезжал в эти края.

Однажды весной

В понедельник у Верного был выходной. В этот день почтовое отделение не работало. Сена в кормушке нет. Верный погрыз доску в стойле и подошел к окошку. Он даже пошатывался от голода. Окошко в конюшне длинное и узенькое. Вчера Федя выставил раму, говоря:

— Сена нет, так пусть хоть на свежем воздухе... Верный повернул голову и просунул ее на улицу.

А на улице — весна, снегу как не бывало. Но ведь и травы тоже нет! Верный шумно вздохнул и поглядел вдоль деревни. Ребята бежали в школу и вдруг видят: из окна конюшни торчит большая лошадиная голова. «Верный! Верный!»— закричали. Конь наострил уши. Ребята подошли ближе и по очереди стали дотягиваться, чтобы погладить. Верный тихо заржал и начал шлепать большой мягкой губой.

— Наверно, есть хочет! — сказал один из мальчиков, доставая из портфеля кусок воложного [1] пирога. Он предложил пирог коню. Верный неторопливо, но жадно сжевал этот кусок. Потом съел второй кусок, третий, четвертый... Ребята скормили ему все свои школьные завтраки, припасенные дома.

— Ленька, а ты чего? Давай, нечего жадничать.

Совсем маленький мальчик насупился и чуть не заплакал.

— У меня только яйцо, — сказал он и тихо добавил: — И две конфеты...

— Ну и что?

Ленька открыл полевую, видимо, еще отцовскую сумку. Яйцо, сваренное вкрутую, быстро очистили. Верный съел и яйцо. Правда, раскрошил половину. Конфет было, конечно, жалко. Но все равно распечатали. Верный съел и конфеты. Больше ни у кого не было ничего съестного.

Ребята побежали. Школа была далеко, в другой деревне. Они боялись, что опоздают. Верный долго смотрел им вслед.

Так он научился есть конфеты и яйца. Особенно повезло Верному через неделю, Первого мая, когда ребята получили в школе подарки.

А тут скоро и травка пошла, свежая и такая зеленая. Не чета соломе! И Верный понемногу стал опять поправляться.

Курьер

Федя возил почту третий год. Зимой в санях, летом в седле. Слева к седлу он приторачивал почтовую сумку с письмами и газетами, справа обычно торчала какая-нибудь посылка. Что говорить, не очень-то надежный был почтальон! Иногда он отдавал письмо соседу, сосед передавал другому соседу. И письмо долго ходило по рукам, попадая, куда нужно, месяца через два. Не зря дедко Остахов, который жил на отшибе в конце деревни, называл Федю «кульером».

Зато газеты и переводы Федя развозил очень тщательно. Верный сам знал, когда к какому дому нужно сворачивать. Федя, не слезая с седла, совал газету в скобу ворот и ехал дальше. Он частенько боялся слезать, потому что залезть обратно в седло иногда просто не мог. В седле же он сидел в такие дни очень прочно. Федя рассказывал: «Один раз ехал да кепку с головы обронил. Ох, — думаю, — не буду слезать, завтра все равно обратно поеду. На другой день гляжу, кепочка-то лежит. Никуда не девалась».

Все же однажды Верный притопал домой без почтальона. Сумка, притороченная к седлу, держалась крепко, и Верный на всем пути во всех деревнях ни разу не ошибся. Он по очереди подходил ко всем домам, где выписывали газеты. Люди, которые были дома, выходили и брали из сумки нужную им газету. Верный зашел даже к дедку Остахову, который выписывал «Сельскую жизнь». Конь встал у крылечка и простоял ровно

столько, сколько стоял всегда. Однако дедко Остахов не посмел без спросу взять из сумки газету. Верный постоял у крыльца и пошел дальше, а дедко глядел и качал головой, глядел и качал:

— До чего наука дошла!

Федя пришел домой только через два дня. С почтальонов его сразу сняли и поставили в кладовщики. На Верном же стали возить с фермы навоз, но все равно еще долго называли курьером.

Верный и Малька

Малька — это такая злющая собачонка, что хуже уже некуда. Сама маленькая, ножки что спички и очень кривые, а злости больше, чем у тигра. Она жила у одинокой пенсионерки Лидии. Бывало, к Лидии никто не ходит гулять, даже по праздникам. Собачка всегда облает гостя, а то еще и за ногу тяпнет. Прямо до крови. Лидия уже говорит с посетителем, уже, кажется, ясно, что злиться нельзя, а Малька все рычит и рычит из-под лавки. Откуда столько злости бралось?

Однажды я наблюдал за Верным. Он усердно щипал траву и никому не мешал. Потом лег и начал кататься по земле, дрыгая своими большими ногами. Копыта так и мелькали в воздухе. Видимо, он линял и спина сильно чесалась — с таким удовольствием катался мерин по травке. И вдруг ни с того ни с сего — Малька. С яростным, переходящим на визг лаем она бросилась на Верного. Верный вскочил на все свои четыре копыта. Он широко расставил передние ноги, наклонил голову и недоуменно замер. Что, мол, такое? Откуда столько шуму? А Малька нагнала все больше и больше. Она подскакивала к морде коня и готова была вцепиться.

Верный терпел, терпел да как фыркнет! Малька даже отлетела в сторону. Верный бросился за ней, она от него.

С того дня ему не стало от Мальки житья. Раньше Верный ходил пить

воду, когда захочется. Теперь стало совсем не то. Дорога на речку шла мимо дома Лидии. Малька каждый раз бросалась и лаяла на него, но всегда держалась на безопасном расстоянии. Верный наверняка ее не боялся, но кому же приятно слушать залиvistый лай и полусумасшедший визг? И мерин бежал под горку к воде, от греха подальше. Малька принимала это за доказательство своей силы, она злобно преследовала его до середины спуска. Затем возвращалась к своему исходному рубежу и стихала. Верный, как мне казалось, без всякого аппетита пил воду и возвращался наверх, в деревню. А Малька опять яростно налетала на мерина.

Неизвестно, чем кончилось бы все это безобразие, если б дорога не просохла и через деревню не стали ходить машины. Малька неожиданно отступилась от Верного и начала с еще большей яростью преследовать автомобили. Особенно не любила она велосипеды и «газики».

Малька провинилась

Как-то зимой, по снегу, я пошел к Лидии за молоком и услышал, как в доме ругалась хозяйка. «Что такое? — подумалось мне. — Кого это Лидия так честит?»

— Кривоногая! Шельма! — слышался за дверью голос Лидии. — Чего уши-то выставила? Ох, блудня! Ну, погоди! Не стыдно тебе в глаза-то глядеть, батявке? Не стыдно?

Я вошел в комнату. Лидия поздоровалась со мной и продолжала ругаться:

— Ремень-то бы взять да и нахлестать! Либо совсем на волю выставить, бесовестную!

Оказывается, Лидия ругала Мальку. За то, что та принесла двух щенят. Малька с недоумением глядела в глаза хозяйке, виновато мотала хвостом и не понимала, за что ее так ругают. Я поглядел под лавку: там в старой шапке-ушанке беспомощно барахтались два крохотных кутенка. Малька

едва не вцепилась мне в нос.

— Сиди! — осадила ее Лидия. — Сиди, никто не возьмет твоих шаромыжников! Кому-то нужны...

Лидия ругала Мальку два дня, а на третий сказала:

— Ладно, пускай живут.

Потом я слышал, что одного щененка забрал тракторист, который часто проезжал через деревню. Второго Лидия отнесла за реку в соседнюю деревню, а взамен принесла рыжего молодого кота. Не знаю уж, как отнеслась ко всему этому Малька, наверно, не очень-то ей было приятно. Лидия, во всяком случае, была довольна.

Деревня, где я жил, размещалась на горке, а на другой стороне, засыпанной снегом, речки, тоже на горке, стоит другая, соседняя деревня. Летом через речку ходили по лаве. Лава — это два стесанных бревна, перекинутые с одного берега на другой. Тропка на ту сторону оставалась прежняя, люди и зимой ходили по лаве, хотя можно было и по льду, напрямик. Я каждый день катался тут на лыжах. Однажды смотрю, по тропке из соседней заречной деревни бежит Малька. Одна-одинешенька. Бежит домой деловито, ни на что не оглядывается. Кривые ножки так и мелькают на белом снегу. На следующий день — опять. Я удивился: куда это она бегает? Да еще каждый день и всегда в одно и то же время. Спросил у Лидии:

— Куда это Малька каждый день бегает?

— Да кормить! — весело пояснила Лидия. — Изо дня в день так и бегает, ничем не остановить. Уж я ее и в избе запирала, все впустую. Только отвернешься — готово дело. Была да нет, побежала кормить свое дитяtko. Вот так, думаю, Малька! Какая верная оказалась мамаша. Каждый день за два километра в чужую деревню, несмотря ни на какие опасности, бегает кормить своего сынка. Не каждая так может.

Воложный маслянистый

Еще про Мальку

Так Малька и бегала ежедневно в ту деревню. Она ни разу не забыла свою обязанность. Между тем со всех сторон наступала весна. Снег таял, и речка сначала потемнела, потом разлилась. Малька все бегала по лаве на ту сторону. Теперь если и захочешь не по лаве, то не проберешься на тот берег.

Как-то утром я пошел за водой, смотрю, за ночь река разлилась, вода подступила к баням. Широкое водное плесо заполнило всю низину. Федя уже ездил на лодке, приглядывая места, где можно поставить верши. Весело свистели прилетевшие ночью долговязые кулики. Постой, а где же лава? Я взглянул на то место, где обрывалась тропка, и обомлел. Бревен-то не было. Ночью их подняло водой и унесло. Все. Связь с тем берегом оборвалась, подумалось мне, проехать можно только на Фединой лодке. А как же Малька?

Малька была легка на помине. Я видел, как она подбежала к воде, сунулась туда-сюда. Везде одна вода и лав не было. Малька ступила в воду и вдруг поплыла. Такая маленькая беспомощная собачка не испугалась широкой быстрой реки и холодной воды! Я с волнением глядел, что будет дальше. А что дальше? Малька, видимо, из всех сил плыла наперерез струям, но ее несло все быстрее. Сил у нее было немного, а течение сильное, и вот ее несло по реке. Когда Мальку проносило мимо меня, я бросил ей какую-то дощечку. Но все напрасно. Малька стремилась на тот берег. Я видел, как она, выбиваясь из сил, с головой окунулась в воду. И закричал Феде, чтобы он выловил Мальку. Федя и сам видел, к чему идет дело. Он поставил лодку поперек течения и подправил ее веслом, чтобы поймать собачонку.

— Ой, дура, куда сунулась, — приговаривал он. — Ну, матушка, давай, давай сюда!

Он бросил весло в лодку и рукой выхватил Мальку из ледяной воды. Наверное, еще немного бы, и она захлебнулась, потому что была еле жива.

— Матушка! — уговаривал ее Федя. — Да разве дело? Его, дурака, еще и кормить! Ведь большой уж, обормот, а ты все бегаешь.

Федя причалил к берегу и выпустил дрожащую от холода и ставшую совсем крохотной Мальку.

— Беги, беги домой! — сказал он и обернулся ко мне. — Что значит животное.

И мы оба подивились Малькиной материнской верности.

Тунеядец

Я занялся тетеревиной охотой и долго не видел Мальку. Каково же было мое удивление, когда однажды я зашел к Лидии и увидел очень странную и неожиданную картину! Крохотная тщедушная Малька лежала на полу на тряпичной подстилке и кормила большого рыжего кота. Она даже зарычала на меня, дескать, ходят тут всякие. А кот даже не пошевелился. Сосал и жмурился от удовольствия. Она была меньше кота примерно раза в полтора. И вот кормила своим молоком этого рыжего верзилу и увальня. Я зашел с другой стороны — точно! Не было никакой ошибки. Рыжий даже причмокивал. Малька покормила его и вспрыгнула на свои тоненькие кривые ножки. А он даже не повернулся на другой бок и уснул. «Ну, лежебока! — мысленно возмущался я. — Тунеядец несчастный!» Я даже возненавидел этого кота, хотел ногой разбудить лентяя, но тут в избу вошла Лидия.

— Он что, давно так? — спросил я.

— Да сразу. Худой был, сухой, а теперь вон лощеный какой. Уж я его и

ругала, и колотила. Привык, видно.

— Ничего себе, привык! У Мальки еле-еле душа в теле, а он привык. Так-то и дурак может...

Я ничего больше не сказал и ушел, злой на кота. И совсем не зря, потому что этот кот, как позже выяснилось, и впрямь получился совсем непутевый. Никакое воспитание на него уже не действовало, как говорится, что смолоду не вколочено, под старость не наверстать. Но я вернусь к нему после, а пока расскажу про других собак, живущих в деревне.

Валдай

Федин Валдай — громадный пес, не чета Лидиной Мальке. Темно-серый, с патлатою сединой на ляжках. Лает Валдай совсем редко, лишь в самых крайних случаях. Как это ни удивительно, Федя, при всей его любви к животным, весьма редко кормит собаку. Валдай почти всегда голоден. Обстоятельство это ничуть не мешает величайшей собачьей преданности своему хозяину, а также их обоюдной любви. Отношения такие сложились между ними давно, прочно, и не мне было их менять. Но уж так получилось, что однажды я стал виновником ссоры, возникшей между Валдаем и Федей.

Обычно голодный Валдай часами лежал на пригорке около дороги напротив Федино дома. Он гордо и независимо поглядывал на проходившие по дороге машины и тракторы, зевал, потом клал голову на вытянутые передние лапы и спал.

Я часто наблюдал за ним из окна. Вот он встал, сладко потянулся, поглядел в одну сторону улицы, в другую. Нигде никого, только поют петухи. Валдай подошел к дому напротив. У крыльца висел умывальник. Валдай подошел и, нюхая, ткнул носом в шишечку умывальника. Полилось. Валдаю обрызгало нос, он фыркнул и сконфуженно отошел.

Мне стало смешно. В благодарность за это я выкинул в окошко полпряника. Валдай съел и поглядел на меня, дожидаясь чего-нибудь еще. Я бросил ему корку черного хлеба, он обнюхал ее и отошел недовольный: дескать, чего ты меня угощаешь такой ерундой?

Так я приучил его сидеть под окном и ждать угощения. Федя, съездив за почтой, частенько заходил к моим хозяевам побеседовать, оставляя пса за дверями. Валдай скулил и просился к нам.

Однажды я пропустил пса в комнату и дал ему кружок колбасы. Валдай сглотнул колбасу одним махом и вильнул хвостом, прося еще.

— А ну марш из помещения! — закричал Федя. — Крохобор.

И вдруг пес сверкнул белками глаз и зарычал, да с такой злостью, что даже Федя опешил.

— Ишь, не пондравилось. Пшел! Кому говорят!

Пес, может быть впервые, не послушался, и жестокий пинок отбросил Валдая к дверям. Неизвестно, что было бы дальше, если б я не остановил Федю...

Валдай с неделю сердился на него, даже не хотел ночевать в доме. Но потом они опять помирились.

Иногда Федя ходил в лес, на озеро. Он выносил из сеней весло и корзину для рыбы, и тут Валдай вскакивал со своего пригорка, начинал радостно визжать и прыгать вокруг Феди.

— Валдай? В лес! В лес!

Пес прыгал еще выше, стараясь лизнуть Федю в щеку. Так был рад. Он устремлялся в поле, возвращался, визжал и прыгал, бежал опять. Так любил ходить в лес, что весь менялся, вся сонная лень одним махом слетала с него. В такие дни он сразу становился веселым, стремительным и шумным.

Валдай и Валетко

Третий собачий персонаж в деревне был маленький веселый Валетко. Песик этот, непонятно какой породы и масти, состоял на содержании у дедка Остахова. Надо сразу сказать, что Федя с дедком жил в «контрах», как он сам выражался. Они хоть и здоровались, но за глаза постоянно клеймили друг дружку. Началось это давно, из-за какого-то пустяка, позднее вражда разрослась, укрепилась. И длится уже несколько лет. Вероятно, им и самим все это давно надоело, каждому втайне хотелось помириться. Но все что-то мешало.

Когда у дедка Остахова объявился Валетко, Федя сказал:

— Волкодав! Такого не прокормить. Загрызет всю деревню.

И в тот же день начал натравливать Валдая на остаховского песика. Но, ко всеобщему удивлению, Валдай не стал в тот день трепать маленького Валетка. А после, не в пример своим хозяевам, два этих пса даже подружились, и Федя не стал мешать этому.

Бывало, Валдай лежит на лужке, а Валетко до того на него долает, что, кажется, и у человека терпение бы лопнуло. Валдай же только снисходительно взглянет на шалуна, и хоть бы что. Хулиганистый Валетко так разойдется, так осмелеет, что даже дернет Валдая за ухо. Если получалось не больно, то Валдай стряхнет шалуна, и все. Если же Валетко хватал больно, то Валдай оскалит большие желтые клыки:

— Р-р-р-р!

Схватит Валетку за загривок и тряхнет раза два-три посильнее. Валетко сразу приходил в чувство и переставал безобразничать. Но спустя какое-то время опять начинал хулиганить, и опять Валдай терпеливо сносил нахальство.

Однажды по деревне бежал громадный незнакомый пес — больше Валдая. Валетко по своей глупости залаял и начал наскакивать на него.

Валдай молча лежал на своем пригорке. Чужой пес грозно рявкнул, схватил Валетку и начал его рвать. Поднялся храп и страшный визг. Наверное, пес растерзал бы Валетку в одну минуту, если бы не подмога. Валдай стремительно вскинулся с пригорка и бросился на чужака. Освобожденный из пасти Валетко, изрядно искусанный, откатился в сторону, а пес и Валдай сцепились между собой. Драка была дикая и страшная. Чужой пес был сильнее Валдая. Но недаром говорится, что дома помогают и стены. Валдай взял верх и долго преследовал чужака. После этого чужой пес уже никогда не показывался на улице, он стороной обходил нашу деревню. Дедко Остахов после этого случая запохаживал к Феде смотреть телевизор. Один раз принес пол-литровую банку меду от своих ульев. Федя не отпустил дедка домой, пока не всучил ему полрешета свежей сороги.

Валдай и Кузя

Я уже говорил, что почти ежегодно Федя покупал на колхозной свиноферме поросенка и всякий раз называл его одинаково: Кузя. Животное долго содержалось в хлеву, но ведь надо ж когда-то и на улицу, пусть ты и Кузя! И вот этот момент был всегда весьма интересным.

В этот раз очередной Кузя был уже довольно большой. Федя на руках вынес его на улицу. Чистый, вымытый, Кузя взглянул на белый свет и от восторга припустил вдоль деревни. Федя воротил его обратно. Кузя порыл пяточком дерн и припустил в другую сторону. У Феде хватило терпения еще раз приправить Кузю к дому. Валдай лежал на пригорке и спокойно наблюдал за всем этим.

Под горкой, недалеко от Федино дома, был скотный двор. Жидкий коровий навоз всю зиму и весну вывозили прямо на лужок недалеко от двора. К весне получилась большая и жидкая навозная лепеха. Сверху от ветра и солнышка она покрывалась коркой. И вот тут и получился у Феде конфликт с Кузей. Стоило Феде увернуться за угол, как Кузя со всех ног

опять бросился на простор. Поросенок галопом достиг навозных пределов... и на ходу, нежно, одним боком привалился к навозной гуще. Затем побежал дальше.

Надо было видеть, что тут поднялось!

Федя, нецензурно выражаясь, бросился за поросенком. Кузя отбежал еще дальше.

— Ну, погоди! — кричал Федя. — Дай только до Октябрьской дожить, опалю гада живьем!

Видя, что все равно не догнать, Федя решил воздействовать на животное лаской:

— Кузя, Кузя, Кузя! Беги, батюшко, сюда, Кузя, Кузя!

Поросенок остановился и с таким же восторгом повернул обратно домой. Один бок у него был чистый, белоснежный, другой, черный от навоза, лоснился, как вороново крыло. Такой цветовой контраст вверг Федю в злое отчаяние, он уже принес палку, чтобы отхлестать Кузю, но поросенок, словно догадываясь, припустил вдоль деревни.

С трудом удалось Феде поймать животное. Он схватил Кузю за ногу и волоком потащил на речку. Мыть. Кузя верещал. Федя вымыл его, на руках принес домой и закрыл в хлеву.

Так неудачно закончилась первая Кузина прогулка.

Федя продержал его в помещении несколько дней, никуда не пускал. Наконец выпустил вновь, и опять Кузя устроил все точь-в-точь так, как и раньше! Опять чистенький, белоснежный, бросился он к навозной гуще и залез в нее теперь уже весь, по уши.

Не буду описывать, что творил после этого Федя. Несколько раз он вытаскивал Кузю из навозной гущи, лупил его палкой и отмывал в речке. Но через полчаса вымытый поросенок снова был похож на арапа.

Федя был в полном отчаянии. Ему надоело мыть поросенка. Через несколько дней он махнул на Кузю рукой:

— Только бы до Октябрьской дожить!

В тот же день Федя выпустил Кузю на улицу и тут же исчез, чтобы не расстраивать больше нервы. Валдай лежал, как всегда, на пригорке. Я видел из своего окна, как поросенок припустил было вдоль деревни, но вдруг Валдай с лаем бросился за Кузей. Кузя повернул к дому, Валдай опять улегся на свой пригорок. Но Кузе, видимо, не терпелось вновь испробовать навозную ванну, он порыл пяточком дерн и припустил в другую сторону, напрямиком к скотному двору. Что такое? Я не поверил своим глазам. Ай да Валдай! Пес быстро обогнал поросенка, с лаем встал на пути. И Кузе волей-неволей пришлось повернуть.

С тех пор Федя мог спокойно выпускать Кузю на улицу. Валдай хорошо освоил то, что от него требуется, он тщательно следил за поведением Кузи.

Федя принял все это как должное и ничем не поощрил умного пса. Впрочем, Валдай, вероятно, и не ждал благодарности. Для всех все это оказалось в порядке вещей

Валдай в клубе и дома

Клуб размещался не в нашей деревне, но дедко Остахов ходил туда регулярно. Смотрел почти все кинофильмы, не пропускал никакие мероприятия. Остаховский Валетко ни на шаг не отставал от хозяина. Дедко в магазин — и Валетко в магазин, дедко в клуб — и Валетко туда. Но так поступал не один Валетко.

Бывало, перед началом сеанса в зрительном зале набиралось полно собачонок. Из разных мест. Их не пускают, но они все равно проскочат. Только выгонит заведующая непрошенных зрителей, они снова набираются под шумок. Укладываются у хозяйских ног, и никак их не выгонишь. Кто-

то из шутников пустил однажды такой слух: с завтрашнего-де числа хозяевам собачонок придется покупать по два билета: один взрослый, на себя, другой детский, на собачонку. Некоторые женщины поверили этому вздорному слуху и стали оставлять собачонок дома. Но ненадолго. Вскоре все снова стало по-прежнему.

Каких только смешных случаев не было с собаками во время демонстраций фильмов! То завоет иная, то залает не к месту. То раздерутся. Однажды жена Федя, Егоровна, пришла смотреть кино «Зигзаг удачи». Это была комедия, как говорилось в афише. Вместе с Егоровной в зал явился и Валдай. Я тоже сдуру приперся смотреть этот зигзаг. Уже с первых кадров навалилась тоска. Но уходить одному было неудобно, и я наблюдал в темноте за Валдаем. Он посмотрел минуты две на экран и улегся около сцены. Полежал на боку. Опять встал, подошел ко мне, положил на колени большую голову. В зале была тишина, на экране тоже образовалась какая-то пауза. И вдруг Валдай так глубоко, так шумно и тяжело вздохнул, что многие оглянулись. Потом Валдай подошел к двери, встал на задние лапы, а передними оперся на дверь. Дверь открылась, Валдай не спеша вышел из зала в коридор, затем на улицу. Радуюсь случаю, я вышел за ним следом и свистом предложил ему идти домой. Но Валдай не пошел. Он улегся на деревянном клубном крыльце и стал ждать Егоровну, которая вместе с дедом Остаховым и Валетком досматривала «Зигзаг удачи»...

Если Валдай как бы игнорировал кино, то телепередачи он просто презирал. Может быть, потому, что, купив телевизор, Федя стал меньше уделять ему внимания, и пес ревновал хозяина к этой страшной машине. По вечерам, за самоваром, Федя с Егоровной включали телевизор. Кошка Муська лежала на белоснежном покрывале кровати и глядела на экран. Она любила смотреть передачи. Но Валдай, как только включали телевизор, сразу прижимал уши, вставал и, поглядев на Федю, шел к

двери. Это значило, что он желает уйти. Особенно раздражала Валдая эстрадная музыка.

Федя же почему-то сразу невзлюбил всех дирижеров:

— Этот дурак, с тоненьким-то батожком... чего машет здря, долгие полы?

Но песни и пляски Федя любил, еще любил, когда кто-нибудь приезжал или уезжал. Программу «Время» он смотрел от корки до корки. Кошка Муська тоже. В противоположность псу, она внимательно следила за тем, что происходило на экране, и иногда до того возбуждалась, что даже садилась на покрывале. В чем дело? Я всегда удивлялся такому разному поведению животных, такому удивительно непохожему их восприятию телевизора.

Позорный случай

Кого мог бояться Валдай, ежели он иногда даже на Федю рычал? Мое уважение к этому уважающему себя псу росло с каждым приездом в эту деревню. Валдай ни перед кем не лебезил и не заискивал, как Валетко. Ни на кого не кидался зря, не драл горло, как Лидиина Малька. Он просто уважал себя и других и никого не боялся.

Но все же однажды он испортил свою репутацию. Причем не только в моих глазах, но и в глазах всех деревенских ребятишек. Он проявил самую обыкновенную трусость, я был свидетелем этого позорного случая.

Я сидел у Остаховых и смотрел в открытое окошко, дожидаясь дедка. Серая опрятная кошечка, пристроившись на том же окне, неторопливо умылась и тоже начала наблюдать. Как раз по деревне бежал Валдай. Ничего не подозревая, я подозвал его поближе, он подбежал. Умильная кошечка зашипела, будто проколотая шина, выгнулась. Валдай добродушно глядел на нас. Кошка прыгнула из окна на крышу крылечка. Потом на изгородь. Валдай дважды несильно тьякнул, мол, в чем дело? Кошка шипела. Ее хвост распушился и стал толстым, шерсть поднялась

на заливке. И вдруг не долго думая она бросилась сверху на Валдая. Он отскочил, она ринулась на него, норовя вцепиться в глаза. Они с рычанием и визгом сцепились в клубок. «Ну, кошке сейчас капут! — подумалось мне. — Разорвет...» Человек пять мальчишек восторженно наблюдали за дракой с улицы. Наконец кошка сиганула опять на изгородь, затем на крышу крыльца и зашипела оттуда. Разозленный Валдай лаял на нее снизу. Откуда столько ненависти у этой кошки к Валдаю? Поединок только начался. Валдай лаял, она шипела и выгибалась. Потом как сиганет на него, как зарычит! Я опомниться не успел: Валдай бросился от нее наутек... Она преследовала его, эта маленькая кошечка. И такого верзилу! Она прыгала за ним молниеносно, стремительно, а Валдай улепетывал от нее, к восторгу ребят. Такого еще никто не видел...

К счастью, дружеские отношения между Федей и дедком Остаховым уже настолько окрепли, что этот случай не нарушил добрососедства. Федя впоследствии выругал свою собаку и похвалил кошку дедка Остахова. Дедко, наоборот, отчитал свою кошку и похвалил Фединога пса. Тем и кончилось. Представляете, что было бы, если б случилось наоборот: то есть если бы дедко заступился за свою кошку, а Федя за своего пса? Наверное, соседи бы поссорились тогда на вечные веки. И все бы из-за меня: ведь это я присвистнул Валдаю, когда сидел в избе у Остаховых.

Кот Рыжко

С котами и кошками в деревне всяких случаев тоже было немало. Очень интересны эти животные и даже какие-то странные. (Вообще я считаю, что самые умные, прирученные человеком животные — это собаки и лошади, а самые глупые — овечки и курицы.)

Расскажу теперь про кота, который так нахально, не имея на это никаких прав, сосал Малькино молоко. Лидия покаялась десять раз, что принесла его жить к себе домой. Почему? Во-первых, дома он жил совсем редко, все время где-то шатался. Во-вторых, если и жил, то безобразничал. Кто,

например, научил его таскать цыплят? Вместо того, чтоб ловить мышей, он ловил цыплят. И все это до глубины души возмущало всю деревню. Женщины ругали его шпаной и прохвостом, ребятишки кидали камнями, а Федя много раз просил у меня ружье, чтобы кота застрелить. Я не давал под разными предлогами. Не очень-то я верил тому, что говорят про кота, пока сам не убедился в правоте этих рассказов.

Как-то я наблюдал за одной синичкой. Смотрю, кот притаился в траве и ждет удобный момент. Ничего не скажешь, красив! Он был яркий, как огонь, очень рыжий, даже оранжевый, с белым брюшком. Синичка слетела на крыльцо и запрыгала, поминутно дрыгая хвостиком. Рыжий крался к ней. Вытянув шею, он бесшумно передвигался в траве. Иногда, чтобы переступить, долго держал в воздухе лапу — так был осторожен. Синичка, ничего не подозревая, поскакивала на ступеньке, а мне так и хотелось ее спугнуть. Но неужели, думаю, она такая дурочка? Когда между нею и котом оставалось метра два и когда Рыжий напрягся для прыжка, я бросил в синичку кепкой. Она улетела, я подошел к коту. Он не прыгнул, не удрал. Он зажмурился и с прижатыми ушами замер в траве. Очень может быть, что он притворился мертвым или просто в отчаянии ждал очередную порку. Он не открыл глаз, когда я взял его за шиворот. Не пошевелился, так и висел в воздухе с прижатыми ушами. Я положил его на землю, плюнул и отошел. Только тогда он сиганул за угол.

Синицу или воробья изловить не так-то и просто. Может быть, поэтому он и стал воровать у насекомых беспомощных глупых цыплят, навлекая на себя всеобщее возмущение.

После случая с синицей я долго кота не видел. Однажды я ходил в лес, километра за три от деревни. Присел на пенек отдохнуть и покурить, вдруг в густых кустах можжевельника, росшего на полянах, мелькнуло что-то оранжевое, яркое. «Лиса! — сразу сообразил я. — Мышек, что ли, ловит? Или птичек?» Я затаился, смотрю — опять кто-то ярко-оранжевый

подскочил в воздухе и исчез. Нет, это надо же! Вместо лисы оказался Лидиин кот. Но что он делал в лесу, так далеко от деревни? И где же он тут ночует?

— Кис, кис, — позвал я. — Иди сюда, Рыжко!

Кот долго не показывался из кустов. Потом все же вышел, поглядел на меня, подошел и начал... мурлыкать. Мурлыкать и тереться о мое голенище. Я дал ему головку от окуня, запеченного в пироге. Он неторопливо съел. Когда я позвал его домой, он охотно побежал следом за мной.

— Хватит шататься, — на ходу рассуждал я. — Домой пойдем, ночевать надо дома. Чего тебе в лесу ночевать?

Оглянувшись, я увидел, что кота не было. Обманул. А может, просто удрал, не желая возвращаться в деревню, где уже так много нагрешил и набезобразничал.

Про наседку

Федя был прогрессист, хоть и не любил дирижеров. Он быстро воспринимал и внедрял у себя в хозяйстве все новое и передовое, как пишут в районных газетах, которые одно время возил вместе с письмами и посылками. Что, например? Например, он недавно провел в баню электричество. Посадил у дома хорошие культурные саженцы. Ну и так далее. Он хоть и ругал инкубаторских цыплят фезеошниками, но покупал их ежегодно. Домашних наседок не признавал.

В то лето одна из куриц, словно нарочно, не захотела нестись в положенном месте. Она то и дело заводила гнездо то под полом сарая, то где-нибудь в глухой крапиве, собираясь выпарить своих собственных цыплят. Делала это как бы назло инкубатору. Федя каждый раз ее выслеживал и отбирал яйца. Однажды настойчивая наседка не долго думая уселась парить в общем гнезде, в котором неслись прочие куры. На

трех или четырех яйцах. Федя не знал, что и делать. Курам надо было нестись ежедневно, а гнездо занято. Федя решил выкупать курицу в речке, чтобы охладить пыл и «сбавить температуру». Он так и сделал. Я видел, как он макал курицу в реке, стараясь, однако, чтобы она не захлебнулась. После он посадил ее под кадку, чтобы окончательно отбить у нее охоту своевольничать. Но не будешь же все время держать куру под кадкой! Пришлось-таки ее выпустить. Она, как рассудил Федя, «сразу же образумилась и отказалась от своих планов». Федя был доволен, его жена Егоровна тоже.

Надо же было так случиться! Федя даже глаза выпучил от удивления, когда в один прекрасный день из-под сарая с чивиликаньем объявилась орава желтых цыплят. Пока Федя воспитывал наседку, другая кура не теряла времени зря.

Не в пример инкубаторским, цыплята оказались шустрые, бойкие. Они не разбегались в разные стороны, ничем не болели. Федя сначала сердился, потом перестал и был доволен. Он говорил:

— Вишь, и растут быстрее, и бегают намного проворней. Местные. А с той шпаной толку не дашь, одна морока.

И все-таки на следующий год он опять принес инкубаторских.

Стрельба

Из района в колхоз цыплят привозили большими партиями ежегодно. Федя купил их пятнадцать штук. Разместил около русской печки в загородке, накормил вареными раскрошенными яйцами и творогом. В первый же день цыплят прохватил почему-то жестокий понос. Трое погибли.

— Солнышка, солнышка им не хватает! — объяснил Федя. — Мне и в конторе сказали, когда выписывал.

На следующий день было тепло, солнечно. Федя сложил двенадцать своих

питомцев в корзину и вынес на улицу. Но после этого сдохло еще два. Осталось десять штук.

— У, гнилые! — ругался Федя. — Детдомовские, что с них возьмешь? Да еще неизвестно, может, одни петухи.

Когда цыплята подросли, их осталось восемь штук. Они гуляли на улице, чивиликали, но то и дело разбегались в разные стороны. Феде приходилось искать их и собирать в одно место. Однажды исчез один, на другой день еще один. Федя прибежал ко мне за ружьем:

— Это он, прохиндей! Кот таскает! Ну, я ему лапы выдергаю. Дробь? Картечь нужна, дробь его не возьмет.

— Картечи нет.

— Пуля, оно бы лучше.

Скрепя сердце я дал Феде ружье и патрон, заряженный самой мелкой дробью. Он бы все равно ведь нашел другое ружье. Федю я знал.

Рыжего я не видал ни разу после нашей встречи в лесу. Но говорили, что он снова в деревне. У меня болела душа, неужели Федя пристрелит кота? Втайне я надеялся, что Федя промажет либо ружье даст осечку (штырьки патронов были совсем сношенные, осечки получались частенько). Я так и уснул в ту ночь с чувством жестокой вины перед Рыжком.

Ранним утром меня разбудил выстрел. Нет, не произошло осечки. Я вскочил, быстро оделся и выбежал к Фединому дому. Федя стоял в одних трусах и в майке, с ружьем в одной руке, с камнем в другой. И ругался так, что я еще ни разу не слыхивал.

— Ну что? — подскочил я. — Кот?

— Зараза! — Федя метнул камнем в огород. Рыжко мелькнул в траве, прыгнул и большими скачками удалился за бани.

Я облегченно вздохнул: жив! Федя, чуть успокоившись, рассказал, как

было дело.

Он (то есть Федя) проснулся на восходе, чтобы узнать, сколько времени. Случайно взглянул с повети в огород, увидел Рыжка и побежал в комнату за ружьем. Прицелился прямо из окна и пальнул с очень близкого расстояния. «Попал же! — убеждал меня Федя. — Как не попасть! Да ему, гаду, что дробь? Ему эта дробь хоть бы хны, вот кабы первый номер! Ну, все равно будет помнить, зараза, не покажется больше».

Но в тот же день исчез еще один цыпленок, и осталось их всего пять. А через два дня только три. Тогда Федя взял выходной и целый день караулил вора.

Оказалось, что цыплят таскала ворона.

Про ворон

Мы с Федей долго охотились за бесстыжей воровкой: она была хитра и коварна. Наконец Федя все же укокал ее из моего ружья. Но было уже поздно. У Феде остался всего один цыпленок. Правда, к этому времени он изрядно подрос. И стало понятно любому, даже дураку, что это петух.

Так неудачно завершилась попытка Феде увеличить куриное поголовье.

Федя взял убитую им ворону и привязал ее за лапу к длинному тонкому шесту. Шест воткнул в грядку.

На огороде росла картошка, от цыплят осталось лишь горькое воспоминание. Для чего было пугать ворон? Наверное, Федя сделал это, чтобы как-нибудь отомстить противному вороньему племени.

В самом деле, до чего же они хитры и неуязвимы! Я не раз дивился пронизательному нахальству ворон. Они, как бы шутя, не однажды надували меня.

Несомненно, эти умные птицы делили, так сказать, сферу своего влияния. В каждой деревне жила определенная группа. По способу пропитания их вполне можно отнести к домашней живности, как, например, голубей или

кур. Но ведь куры не расклеывают у голубей яиц, а голуби не воруют у кур цыплят. Вороны же, пользуясь всеми преимуществами существования вблизи человеческого жилья, иногда просто вредят.

Свежий пример — воровство цыплят.

Было хорошо заметно, что вороны жили по деревням определенными группами.

Если в нашу деревню прилетали вороны из другого населенного пункта, местные поднимали гвалт. Чужаки с шумом выпроваживались. Это, впрочем, отнюдь не мешало в ненастные дни всем воронам объединяться в одну общую стаю. Вообще же эти странные птицы недолюбливали друг друга и частенько клевались между собой. Нередко одна у другой прямо из-под носа тащила добычу.

Вороны прекрасно разбираются, что к чему. У Феде на чердаке я нашел точный деревянный макет винтовки. (Федя в годы войны руководил местным всеобучем.) Когда я выходил с настоящим ружьем, вороны, после двукратного предупреждающего крика одной из них, улетали далеко в поле. Для опыта я взял как-то Федин макет и вышел на улицу. Ни одна из них даже не подумала улететь! Я дважды повторил этот опыт и окончательно убедился: самая хитрая и умная птица в деревне — это ворона. Еще я заметил, что маленьких, не способных бросать камни детей вороны никогда не боялись.

Зайцы

В этой деревне жило два мальчика — маленький и большой. Не буду называть их по именам и фамилиям. Им это совсем ни к чему, да и рассказы эти не о людях, а о животных.

Мальчики были как мальчики, они ежедневно занимались своими делами. То врозь, то вместе бегали на речку, катали по дороге какие-то громадные чугунные шестеренки, Ходили собирать щавель. Мало ли дел? Со мной

они почему-то стеснялись разговаривать.

— Ты кобылу-то разнуздал? — услышал я, проходя однажды мимо дома, где жил маленький.

— Не-е, — ответил большой. — Лягается.

Я видел, как маленький «разнуздал кобылу» и поставил ее в стойло. Оба начали рвать траву, чтобы накормить кобылу, которую изображал поломанный, когда-то заводной танк. Из палочек, частоколом воткнутых в лужок, была сделана загородка. Накормили, поставили и убежали.

В тот день Федя принес откуда-то пару кроликов. Потерпев неудачу с цыплятами, он решил развести кроликов. Раньше он занимался этим делом, и вот опять притащил одну пару откуда-то. Сделал из досок загородку, посадил их туда и позвал ребятишек:

— Идите зайцев глядеть!

На улице оказался один маленький мальчик. Он подошел, заглянул:

— Зайцы?

— Ага, — подтвердил Федя. — Вот только что за уши изловил. Вон за гумном.

— А чего они едят?

— Капустку. Ну, пока капуста не выросла, и травку едят.

— А почему один белый, а другой не белый?

— Так этот вот днем родился, а тот ночью.

Федя нарвал сочной травы, бросил в загородку. «Зайцы» действительно начали жевать травинки. Это привело в восторг голопятого зрителя: сомнений не было, в загородке были живые настоящие зайцы.

— Одного дам, — твердо сказал Федя. — Только скажи отцу, что надо барана взамен. Как только пригонит барана, сразу и берите.

В тот же вечер от дома, где жил маленький, раздался ужасный рев:

мальчик просил у отца барана.

Никто не мог убедить его в том, что это не зайцы. Чтобы успокоить его, ему посулили барана на завтра. И он уснул, а утром, едва проснувшись, опять прибежал глядеть на зайцев. Уже вместе с большим.

Так он и засыпал каждый день с ревом, и отец каждый раз обещал ему барана, чтобы обменять утром на зайца. А утром все начиналось сначала...

Наконец, когда появился приплод, Федя сжалился не только над маленьким мальчиком, но и над большим. Однажды он вытащил за уши двух крольчат, подал ребятам:

— Натё! Ежели убегут, я не отвечаю.

К осени кроликов в деревне развелось столько, что их даже не считали. Они питались травой и действительно были очень похожи на зайцев.

Счастливого плавания

Гусей своих Федя не любил и ругал ужасно. Было за что! Каждое утро они так противно и громко кричали, что хоть зажимай уши. Причем ведь ни с того ни с сего.

— Ну, вы и скотинка, — задумчиво разглядывал их Федя. — Ну, вот ты, скажи, чего горло дерешь?

В ответ раздавался новый противный скрипучий крик. Федя безнадежно махал рукой и уходил. Гуси правились на речку, переваливаясь с боку на бок. Купались, плескались и снова гуськом ступали домой. Их было четверо: гусак и три гусыни. Гусак шипел на меня, когда я приходил к Феде. Он по-змеиному вытягивал шею и шипел, норовя ущипнуть. И щипал, разумеется. Особенно назнакомых прохожих. Феде было за что не любить гусей.

Даже Валдай, не желая с ними связываться, обычно уходил от них прочь, а корова при их виде так сердилась, что бросалась на них с рогами. Дело

дошло до того, что однажды она кинулась на гусыню, прижала ее рогами к земле и измяла до полусмерти.

После того как расплодились кролики, Федя решил, как он выражался, гусей «ликвидировать». Тракторист из одной дальней деревни возил Феде лес для ремонта дома. И почему-то обзарился на гусей. Не знаю уж на каких условиях, но Федя продал ему крикливых птиц. Проезжая однажды деревней, тракторист остановил машину. Федя посадил всех гусей в большой плетеный пестерь, в котором носят сено скоту. Пестерь завязали сверху холщовой подстилкой и привязали к прицепу, сзади трактора. Машина тронулась с грохотом. Федя, стоя на дороге, произнес:

— Ну, счастливого плаванья! Избавился от бесов. Через два дня тракторист завез попутно Федин пестерь с подстилкой.

— Ну, как там птички-то? — спросил Федя тракториста.

— Нормально, живут, — сказал тракторист и уехал дальше.

Федя отнес пестерь в сени, взял там ведра, водонос и пошел за водой. Позже он рассказывал мне, что его даже в пот бросило: по реке, напрямиком к Фединой бане, важно плыли четыре гуся. Вот тебе и счастливого плаванья!

Федя пришел домой без воды... Как он ни заворачивал гусей, как ни стегал их лозинкой, они не хотели плыть обратно.

— За три километра против течения! — дивился он.—

Нет, а молодцы, помнят родной дом! И хозяина помня! К вечеру, когда тракторист проезжал обратно, Федя и окошка помахал ему:

— Остановись-ко!

— Чего! — Трактор остановился.

— А гусей не надо ли дополнительно? У меня еще есть! Нет, ты зайди, зайди...

Федя вдоволь поохотал над покупателем, которого едва уговорили забрать гусей. Их погрузили опять в тот самый пестерь и приторочили к гидравлическому прицепу.

За лето они приплывали к Феде еще два раза. Федю любили не только все животные, но и птицы. Несмотря ни на что.

Заплаткин

Был у Феде кот по кличке Заплаткин. Федя рассказал мне историю его происхождения. Года два назад кошка окотилась под печкой, тайно от Феде. Федя взял клюку и начал по одному выгребать потомство, намереваясь всех утопить. «Только выволоку, — рассказывал он, — а матка его за шкурку и обратно. Так и не мог сосчитать». Когда малыши подросли, они начали сами выбегать из-под печи, чтобы поиграть на полу. Но и тогда Федя не мог углядеть, сколько их, то ли пять, то ли четыре. Таких веселых не захотелось Феде губить. Он, по мере спроса, по одному отдавал их нуждающимся. Всех отправил по разным бригадам, остался один, весь пестрый, словно в заплатках. Федя прозвал его Заплатанным и оставил себе.

Заплаткин вырос, от матери совсем отступился и очень подружился с Валдаем. Бывало, Федя правится с озера, его еще далеко в поле встречает Заплаткин. Мяучит и просит рыбку. Федя садился на кочку и давал Заплаткину маленькую сорожку. Кот не спеша съедал сорожку, и оба шли домой. Валдай шумно догонял их уже у самого дома.

Порой Заплаткин до крови дрался с другими котами (например, с Лидиным Рыжком, о котором я уже говорил). Правое ухо у Заплаткина было разорвано в такой драке, да так и зажило. Оно похоже было на кошелек. Около глаза имелся изрядный шрам. После очередной потасовки Федя стыдил кота:

— Опять поддался? Ох ты! Ворона! Столька нет, дак и не берись, не

втягивайся.

Смущенный Заплаткин жмурился и по очереди прижимал свои драные уши. Он словно бы отмахивался: мол, и так тяжело, а тут еще читают нотацию.

Как-то я ходил на реку, смотрю, в густой огородной траве осторожно крадется Заплаткин. Он даже не обратил на меня внимания, нашел какую-то травку и лениво начал ее жевать. «Заболел, — сразу подумал я. — Лекарство ищет». И я не ошибся, кот действительно захворал. На другой день я зашел к Феде по какому-то делу и вижу: Федя держит кота в коленях и сует ему что-то в рот, приговаривая: «Ну, батюшко, давай, давай бери». — «Чем ты его потчует?» — спросил я. «Да вот, слабительное, — отвечал Федя. — Не берет, выплевывает. Может, аспирином попробовать?» Федя развернул другое лекарство. Он разломил пополам таблетку аспирина и сунул Заплаткину в пасть. Кот вырвался и убежал в коридор. Его начало там рвать.

Вскоре бедный Заплаткин ушел куда-то из дому и больше не появился. Его нашли мертвым далеко от деревни, в поле. Один Валдай жалел своего друга и не однажды начинал выть, видимо вспоминая кота. Но и Валдай скоро успокоился. Что делать? Заплаткина было уже не вернуть.

Конфликт

Я убежден, что некоторые коровы, собаки и кошки перенимают характер своих хозяев. Многие становятся похожими на тех людей, у которых живут. Так часто бывало. Взять хотя бы частных коров. Если хозяйка хитрая, злая, то и корова у нее со временем становится очень на нее похожей: бодается, норовит насолить пастуху. Если хозяйка спокойная, рассудительная, то и корова не бегаёт понапрасну.

Собачка Малька, например. Она наверняка подражает своей хозяйке — Лидии. Обе ругливые, не очень уживчивые.

Некоторые животные терпеть не могут пьяниц, потому что хозяйка их не выносит. Другие, наоборот, не только терпят фамильярность пьяных мужчин, но даже как-то жалеют выпивох, если хозяйка относится к подобным людям жалеючи и терпимо.

Не таков Федя Валдай. Я уже говорил, что пес этот имеет свой характер и свой резон. Федя рассказал мне такой случай.

Как-то зимой Федя вернулся «в квартиру», как он говорил, то есть домой, в очень плохом виде. С Федей это бывает. В ту ночь он был очень сердит и ни с того ни с сего пнул Валдая. Если бы было за что, Валдай, может быть, и стерпел бы, не огрызнулся. Но ведь пес ни в чем не был виновен, поэтому рыкнул на хозяина. Феде это не понравилось, он ударил собаку второй раз, и тут Валдай зарычал страшно и схватил хозяина за руку.

Чем кончился этот конфликт — неясно. Федя, вероятно, не остался в долгу. По его словам, пес бросился прямо к горлу... Егоровна кое-как угомонила обоих, Федя уснул. Под утро он проснулся от какого-то страха, открыл глаза и боится пошевелиться. Больная, укушенная собакой рука свесилась с кровати, а Валдай осторожнолизывал рану.

После этого случая Федя никогда не бил пса. Таких конфликтов между ними больше не было.

Погоня

Было рано, солнечное спокойное утро вдруг огласилось шумом и свистом птичьей стаи. Я выскочил на крыльцо — никого. Вдруг свист и шум снова приблизились. И тут я увидел большого ястреба, который стремглав, низко над землей, метнулся между домами. Ласточки, стрижи и синицы дружной стаей преследовали серого хищника. В чем дело? Что он натворил? Видать, не зря всполошились птицы. Особенно неистовствовали стрижи и касатки, они носились вокруг ястреба, готовые растерзать его. Он, не зная куда деваться, вильнул в другой проулок, они

все за ним. Даже несколько галок затесалось в стаю, они кричали и преследовали обидчика. Два воробья тоже хорохорились сзади. Они, летая за стаей, отчаянно чирикали и пушили хвосты. «А вы-то чего? — подумалось мне. — Вишь, тоже туда — же, в драку».

Мне даже стало жаль ястреба, так много на одного... Он, бедняга, метнулся под навес, птицы — за ним. Он в поле — погоня так и насекает. И все это со свистом, криком и шумом. Ястреб взмыл наконец высоко в небо, но погоня не отставала, тогда он стремительно полетел в поле, к лесу. Все исчезло вдаль. Стало тихо. Вдруг Федин петух выбежал на середину улицы и с угрожающим кокотом вытянул шею. Осмелел задним числом, ему явно не терпелось что-то предпринять, чем-то проявить себя в этой птичьей заварухе. Так и стоял посреди улицы, кокотал, стараясь быть как можно грознее. Валдай глядел на него с таким видом, как будто хотел спросить: где раньше-то был? Нет, брат, куда уж тебе на ястреба!

Петух

Частенько я наблюдал за этим воинственным петухом, потому что он настоящий красавец. Красная борода его то и дело тряслась около моего жилья. Он будил меня глубокой ночью. Я улыбался ему во сне, а утром он поднимал меня уже взаправду.

Замешкается где-нибудь на задворках, очнется — глядь, а кур-то и нет. Остался один. Оглянется по всем сторонам— никого. Встрепенется, раздвинет крылья и что есть духу пустится в конец улицы. Там тоже ни одной. Обрато прибежит — пусто. Остановится, споет и долго прислушивается. Никаких результатов. До того допоеется, что даже осипнет.

А куры спокойно возятся в пыли за углом, в двух петушиных шагах...

Либо поведет кур в чей-нибудь картофель и долго кокочет, если выгонят. Мол, что это за безобразие? Почему такая несправедливость? И столько в

его кокоте искреннего возмущения, что даже смешно. Впрочем, петушиное возмущение очень недолговечно. Тут же забывает обиду, гордо вскидывает голову, выгибает роскошную шею и самозабвенно поет на весь белый свет.

Куры бегут домой

Поскольку речь зашла о петухе, то надо поговорить и о курах. Впрочем, рассказывать о них совсем нечего. Может быть, я и ошибаюсь, но во всей домашней живности глупее курицы никого нет. Я уже говорил, что в глупости не уступают им только бараны и овцы. Остальная живность не в счет.

Итак, с курами, не считая наседок, почти не бывает интересных событий. Поэтому я расскажу давнишний случай. Дело было чуть ли не в первый мой приезд сюда. Тогда в деревне еще имелась колхозная птицеферма.

Самым занятным было то, что куриное поголовье на ферме никак не поддавалось учету. Попробуйте-ка сосчитать кур, когда они всей кучей клюют что-нибудь! Задача эта непосильна даже современной счетной машине. А что говорить о какой-нибудь старенькой неграмотной птичнице?

Помню, что продуктивность на ферме была низкая. Учету поддавались одни петухи, которые, кстати, примечательны еще тем, что никогда не позволяют скандалить курам между собой. Сами дерутся по чем зря, но стоит каким-нибудь двум несушкам повздорить, петух тут как тут. Встанет промеж дерущихся кур, и баста. Иную, самую неумную, и тюкнет. Я всегда поражался подобному домострою. Еще удивляет в иных петухах излишняя заботливость о своих подопечных. Найдет петух какого-нибудь жалкого червячишку и давай бормотать, давай крутиться вокруг него. Сам хоть какой голодный, а ни за что не съест. Всех созовет. Куры сбегутся, а и клевать-то, собственно, нечего.

Но вернемся к птицеферме. Она была огорожена частоколом. Днем куры ходили в этой загородке. На ночь птичница загоняла их в горницы колхозного дома, запирала на всякий замок. Дом был большой, остался от раскулаченных. Сначала в нем размещался детсад, после контора колхоза. Когда колхоз укрупнили, дом долгое время пустовал. Наконец, сделали птицеферму.

Кто только не перебывал на должности птичницы! Почти все женщины деревни, которые теперь уже умерли. Последними птичницами были знакомая нам Лидия и бабушка Марья — одна за другой. Марья уже и тогда была старушкой. Лидия же считалась в то время еще молодой. Однажды Лидию поставили птичницей. Как выяснилось позже, она вздумала обменять трех своих старых кур на колхозных молодых. Что и сделала. Тайком отнесла своих заживевших старуток на птицеферму, а взамен принесла домой молодых. Вскоре ее поставили бригадиршей, а птичницей стала бабушка Марья. У бабушки тоже имелись свои личные куры, которые почти ослепли. Она тоже решила заменить их на ферме. Бабушка выбрала себе взамен тоже трех, но самых матерых и жирных. Она наивно предполагала, что чем больше курица, тем она лучше. Она тайком притащила птиц домой. Надо же было тому случиться: новые куры бабушки Марьи без колебаний направились к дому Лидии. Ни та, ни другая не ожидали такого конфуза. Три злополучных старутки, не подозревая, в какой стыд ввергли нового бригадира, благополучно вернулись домой. Лидия сделала вид, что куры ей не принадлежат. Но они ни за что не хотели ночевать у бабушки Марьи! Бабушка искренне недоумевала.

Не знаю, чем кончилось это событие, но о нем до сих пор вспоминают в деревне.

Птицеферму вскоре после этого случая колхоз ликвидировал.

Свое берем

Дедко Остахов совсем расстроился. Такой опытный пчеловод, а тут оплошал! Ему даже стыдно было мне рассказывать про этот случай.

Однажды к ним приехали из города гости — дочка и двое внучат. Дедку захотелось угостить ребятишек свежим медом. Он решил покачать немного, хотя срок для этого еще не пришел. К полудню он развел дымарь, вымыл чистой водой медогонку. Надел сетку и вынул из каждого улья по рамке.

Меду, как и следовало ожидать, оказалось мало. Но дедко Остахов — упрямый старик. Что задумает, обязательно сделает. Он занес рамки в сарайчик, срезал специальным ножом воск, покрывающий соты, и приготовился качать. Только хотел вставить рамку в медогонку, вдруг как громыхнет за деревней! Дедко Остахов аж присел от неожиданности. У него было сено в валках, а тут загремело. Пойдет дождь — пропадут все труды.

И дедко Остахов схватил грабли, кинулся в поле загребать сено. Однако гром только попугал сенокосников. Дождя в тот день не было. Дедко благополучно сметал стог, а под вечер вернулся домой, намереваясь выкачать мед.

Он зашел в сарайчик, потрогал одну рамку и всплеснул руками. Соты были легкими, как пух. Меду не было ни в одной ячейке. В чем дело? Рамки, что ли, подменили? В соседней деревне один пенсионер, старый учитель, тоже держал пчел. Дедко уже хотел было бежать к учителю, да подумал: нет, не тот это человек, чтобы чужой мед воровать. И правильно подумал.

Я возвращался домой с купания. У дедкова дома меня больно ужалила остаховская пчела. Дедко Остахов посоветовал мне потереть больное место сырой землей и сказал:

— А гляди-ко я-то как опростоволосился! Так и надо старому дураку. Вздумал качать не вовремя.

— А что? — спросил я.

— Всё украли. До капельки!

— Кто?

— Да мои же пчелы! Свое, сказали, берем. На-ко вот, облизнись.

И дедко Остахов пнул сапогом в пустую медогонку.

Пока он метал стог, видимо, одна какая-то пчелка — разведчица залетела в открытый сарайчик. Соты распечатаны, чего лететь далеко? Тем более взяток в это лето был не ахти какой. И вот одна за другой пчелы начали воровать у дедка свой же мед. Они украли все, дочиста, и оставили старика с носом.

— С ними не шути! — рассказывал мне дедко. — Вот август придет, они трутней начнут выселять. Всех бездельников из дому вон. Трутни-то обратно лезут, а пчелки их не пускают. Шабаш! Хватит, говорят, этих тунеядцев кормить. Вот бы и у людей так!

Мы долго еще говорили с дедком о пчелах.

Хорь

В бытность свою Федя имел дело с хорем. Впрочем, с чем он не имел дела? Разве что с домовым, да и то потому, что не верил ни в какие тайные силы. Хоря, как и галку, трудно отнести к домашней живности. Но сам-то хорь думал, видать, иначе. Он жил в Федином доме как полноправный член хозяйства, ничуть не считаясь с установленными порядками. За год он придушил трех Фединых кур... А позже и совсем обнаглел.

Федя рассказывал мне, как он воевал с этим хорем.

В клетушке для гусей из-под стены неожиданно появилась нора. Среди ночи гуси подняли, как говорится, ужасный хай, но на первый раз все обошлось. Федя вылил в нору ведро воды, намереваясь утопить нахального кровопийцу. Не тут-то было! Хорь и не собирался сдаваться.

Тогда Федя расставил под стеной, с улицы, капканчики. Из этого ничего не вышло, в капкан угодил сначала петух, а потом и «Заплаткин-покойничек», как выражался Федя. Хорошо, что капканы были кротовые, не очень сильные. Пришлось их убрать. У Феди был кое-какой опыт борьбы с крысами, он решил применить его в поединке с хорем. Набил бутылочного стекла, вместе с постным маслом намял осколки в хлебные шарики. Шарики подкинул в хорьковые норы. Ничего путного из этого тоже не получилось. Вероятно, хорь не родился вегетарианцем. Что было делать? Зверек оказался хитрее Феди. Это-то больше всего и злило хозяина. Погибших кур Федя ничуть не жалел. Но вот когда хорь сделал покушение на гусыню, Федя рассердился всерьез.

Хорь ночью напал на гусыню. По-видимому, он поволок ее в нору. Но поскольку всю гусыню тащить было не под силу, то он отгрыз у нее левую лапу. И уволок. Искалеченную гусыню пришлось скоропостижно «ликвидировать».

Федя был вне себя. Он взял выходной. (В серьезных случаях жизни он всегда брал выходные.) Первым делом он хорошо изучил все фортификационные сооружения хоря. Несколько нор из-под стены вели далеко в огород. Не жалея зацветающих огурцов, Федя начал копать. Копал, копал и докопался-таки до хорькова гнезда!

Хоря в гнезде, разумеется, не было. Но после того как Федя разгреб и уничтожил хорьково жильё, зверек больше не появлялся. Видимо, он покинул пределы Фединой «оседлости», как называют здесь дом и приусадебный участок.

Выручил

Всю жизнь бабушка Марья держала корову. Но оттого что косить разрешалось только за проценты, ей, как и многим другим старухам, пришлось сдать животину в колхоз. Кто от этого выиграл — неизвестно. Скорее всего, никто. Ведь все равно бабушка Марья сдавала молоко

государству и теленок тоже шел государству, а трава, особенно в лесу, пропадает зря.

Так ли иначе частный сектор бабушки Марьи был полностью ликвидирован. Но человеку, всю свою жизнь связавшему со скотиной, очень трудно привыкать жить одному. И поэтому бабушка завела овцу и козу. На другое лето бабушка выпускала в поле уже целую ораву, в числе которой был не только баран, но и козел.

Сена на эту ораву потребовалось не меньше, чем на корову. Поэтому бабушка овец оставила, а коз продала. Вот только на козла никак не находилось покупателя. Резать было жалко. Так и шло дело, как в песенке: «Жил-был у бабушки серенький козлик». Какой, к черту, козлик! Это был уже настоящий козел, вонючий и такой приставала, что один ужас. Оттянет губу и лезет ко всем по очереди. Его лупили за нехорошее поведение проезжие трактористы. (Хотя, если разобраться по совести, от них-то пахло не лучше. Горючим и всякой гарью.) И вот нынче, жалея козла, бабушка Марья перестала выпускать его на свежий воздух. Она запирала его в старой зимней избе и кормила пыльным прошлогодним сеном. Козел чихал и не ел. Тогда бабушка наводила ему в ведре вкусного пойла. Вот это другое дело, как бы говорил козел и, причмокивая, махал хвостом. Бабушка разговаривала с ним, как с человеком: «Экой ты плут, откуда навязался на мою голову?»

В сенокос она бродила понемногу косить. Козел, оставаясь один, блеял взаперти на разные голоса. Федя, встретив однажды старуху, спросил:

— Ты чего, телевизор, что ли, купила?

— Полно, — замахалась бабка. — Какой от меня телевизор.

— А я думал, купила. Весь день поет. Ведь никому и на трубе так не выиграть, как он, бедняга, выводит.

— Да чего делать-то? Исколотили всего.

— Выпускай! — коротко посоветовал Федя. — Я выручу. Бабушка Марья недоверчиво покачала головой:

— Да как выручишь-то?

— А это уж мое дело как.

И бабка выпустила козла. Говорят, что все гениальные мысли очень просты. Не зря говорят. Федя поступил просто. Он начал учить козла бодаться. Надел мотоциклетную каску, встал на четвереньки и под смех ребятишек боднул козла. По вечерам они с козлом устраивали на лужке тренировки. Козел оказался способным учеником. На третий день он понял, что от него требуется.

Федя решил больше не рисковать своей головой и начал ставить на торец широкую доску, прикрываясь ею, как щитом, дразнил:

— Ну, душной, давай!..

Козел несильно стучал в доску рогами. Вскоре он научился бить с разбегу, и Федя едва удерживал доску. Однажды козел вышиб защиту и разбежался еще, чтобы ударить прямо по Феде. Феде пришлось бежать, он еле успел захлопнуть ворота.

С этого дня ни один тракторист даже пальцем не смел тронуть козла. Но бабушка Марья попала в другую беду. Козел начал бодать всех подряд. Ей пришлось снова заточить козла в старую избу.

Душной

Покупателя на него все еще не находилось. Бабушка как бы смирилась с этим и терпела. У козла даже не было клички. По одному этому можно судить, как он жил. Обычно у всех домашних животных, кроме овец, баранов и петухов, есть имена. Козла же бабушки Марьи не звали никак, даже просто — козел. Федя, правда, называл его, но весьма оскорбительно — Душной. То есть вонючий, с дурным запахом. Душной так Душной. Бабушка незаметно для себя тоже стала его так называть. Он по-прежнему

целыми днями сидел взаперти. Если раньше бабка не пускала его на улицу из боязни, что его обидят, теперь наоборот. Боялась, что кто-нибудь обидит он сам.

Но легко ли летом сидеть взаперти! Ничего нет хуже, хоть бы для козла. Однажды, когда бабка на весь день ушла в поле, ему каким-то способом удалось выйти на волю, но только внутри дома. То ли бабушка худо приперла дверь, то ли совсем припереть забыла. Одним словом, Душной проник, видимо, вначале в коридор, затем на верхние сени. Дом, однако, был закрыт снаружи: последние годы в деревнях появились замки. (Еще два года тому назад ворота здешних домов люди не запирали, втыкали в скобы лишь палочки или батожки.)

Дом у бабушки Марьи высоченный, драночная крыша крутая, широкая. Козел, видимо, долго бродил внутри, теряя надежду выбраться на улицу. И все-таки он глотнул в тот день свежего воздуха...

Федя, придя на обед, первый увидел эту картину: Душной ходил по крыше. Головокружительная высота, видимо, смущала его, он то и дело жалобно блеял. Можно было себе представить, что от него осталось бы, если бы он свихнулся с князька!

Федя забил тревогу. Пришел дедко Остахов, покачал головой:

— Экой касманавт!

Лидия с женой Федя — Егоровной — ахали и охали. Но все рассуждали пока не о спасении козла, а о том, как он залез на крышу. Будто это было так важно!

Наконец шутник Федя предложил:

— Может, за ружьем сбегать?..

Шутки шутками, но делать что-то надо. Лестница необходимой длины имелась только у дедка Остахова. Мы с Федей сходили за ней. Приставили к дому, но лестницы хватило лишь до карниза.

Тем временем с поля вернулась бабушка Марья. Она вначале испугалась, а спустя несколько минут заругала козла:

— А леший с ним. Хоть бы свалился да шею сломал! Но это была минутная слабость бабушки Марьи. Она

Тотчас заохала от расстройства. Но что предпринять? Надо было лезть вверх, ловить козла и спускать его вниз по веревке. Никому не хотелось этого делать, мне тоже.

— А как залез, так и пусть слезает! — сказал дедко Остахов.

Это было, конечно, резонно. Но даже — сама бабка не знала, через какую дыру козел залез на крышу. Дыр, видимо, было много. Бабушка завела меня на сарай, показала все, как есть. Козел, вероятно, забрался вначале на чердак по лестнице, затем по двум доскам, лежащим на балках, пришел на потолок чулана, затем опять же по доске пробрался в другой конец дома, где светлело небольшое отверстие. И все это на трехметровой высоте над настилом сарая. Как он не брякнулся еще тут — не понятно. Я подивился его упрямству и вышел на улицу.

Федя уже сбегал домой за веревкой. Он влез по лестнице на крышу сарая, затем на крышу самого дома.

— Батюшко, батюшко... — приговаривал Федя. — У, дурак, Душной!

Козел увернулся.

Все мы, как говорится, с замиранием сердца следили за ними снизу.

Федя был смел и находчив. Он сделал из веревки петлю наподобие ковбойского лассо, которые показывают в кино. И с перворазки накинул козлу на рога...

Козел потерял равновесие и покатился с крутой крыши. Федя тоже едва удержался, но успел укрепиться, держась за круглую чугунную трубу. Козел не докатился до края крыши, веревка напряглась и задержала его.

— Ну, теперь буду спускать! — закричал Федя и начал осторожно травить веревку. Козел завизжал...

Я ручаюсь, что за последнюю пятилетку в деревне не было подобного зрелища. Федя травил веревку, женщины внизу замерли, козел жалобно заблеял, заюлил ногами, когда бултыхнулся с крыши и повис на рогах.

— Принимай! — орал Федя сверху, но было боязно подходить.

Федя травил веревку большими порциями, спуская груз к земле. Душной благополучно коснулся задними копытами твердого грунта. Федя слез с крыши. Все успокоилось. Мы хотели нести лестницу обратно к дому дедка Остахова, но решили передохнуть. Бабка еле сняла веревочную петлю с козлиных рогов.

— Ох, Душной бес, — ругалась она, — беги, дьявол, беги теперь.

И она повернулась к нам, сматывая веревку. Потом наклонилась, чтобы поднять Федину упавшую кепку. Все произошло опять же, как говорится, в считанные секунды. Козел, отступив чуть назад, наклонил рогатую голову и сильно боднул бабку в зад. Бабка Марья полетела в крапиву...

— Ну, Душной! — заключил Федя всю эту сцену. — Теперь-то тебе не миновать мясозаготовки!

И мы с дедком Остаховым понесли лестницу к его дому.

Шеф-повар

Федя говаривал как-то: «Теперь и коровы-то все с высшим образованием». Как и всегда, он, конечно, преувеличивал. Но в этих словах доля правды все же была. Коровы, по сравнению с прежними временами, действительно очень избаловались. Они уже не хотят пастись в лесных угодьях, как это было в здешних местах испокон веку. Под пастбище отведены самолучшие поля, для коров ежегодно строятся помещения, похожие на дворцы. Механизация — полная. Не хватает разве что кондиционированного воздуха. Свет горит круглые сутки. Говорят, что

коровы уже не могут жевать жвачку в темноте, а солому почти не едят. Это — колхозные. Если же говорить о личных, то о соломе и речи не может быть. Во-первых, где ее взять, солому? Во-вторых, животное сильно подкармливают печеным сельповским хлебом. Почему так получается? Потому что весной, к примеру, кило печеного хлеба дешевле, чем кило хорошего сена, хотя многие гектары лесных покосов ежегодно уходят под снег.

Федя говорит, что теперь коня и мужика ни во что не ставят, всё вниманье бабе да корове. Называет такие порядки «колесией» и добавляет: «Наверно, скоро переставление света».

Когда жены нет дома, он сам доит свою корову Поляну. Но прежде чем взять подойник, он кидает фуражку в угол и надевает старый платок Егоровны. Поляна никак не дается доить, если придешь в фуражке. Небритый и черный от загара, да еще без двух передних зубов, Федя похож в этом платке на бабу-ягу.

— Вот бы тебя так сфотографировать, — говорю я.

— И не говори! — отзывается Федя, усаживаясь под корову. — Матушка, матушка... Куды, зараза такая, стерва! Юбку, что ли, еще надеть?

Поляна оглядывается на зычную Федину ругань. Она укоризненно смотрит, словно бы говоря: «Как некультурно, постыдился бы приезжих людей».

— Матушка, матушка, — снова подкрадывается Федя. Так повторяется раза два или три. Наконец корова подоена. Пес Валдай глядит на Федю с сочувствием. Кузя вопит в хлеву, требуя есть. Кошка Муська терпеливо ждет молочка. Мычит теленок, блеющие овцы бегают где-то рядом.

У Феде неожиданно сдают нервы.

— Никого не буду кормить! — заявляет он. — Ждите большуху. Вишь, нашли шеф-повара...

Глупый тетерев

Бывают с птицами и животными совсем странные происшествия. Однажды в мае среди бела дня на Федину березу ни с того ни с сего прилетел здоровенный тетерев. Сел и сидит. (Сам я не был тогда в деревне, мне рассказали об этом.) Сидит и глядит на деревенскую жизнь с высоты.

Первой увидела его Лидия. Она сказала бабушке Марье, а бабушка разболтала Фединой жене Егоровне. Так и дошло до самого Феде.

Федя взглянул на березу — и впрямь! Сидит на вершине самый настоящий тетерев. Федя не долго думая побежал в соседнюю деревню за ружьем. Километр туда, километр обратно. Да ведь надо еще и ружье выпросить, договориться! И тетерев все это время сидел на березе, словно бы поджидая Федю с ружьем.

Ну, конечно, и досиделся, Федя сшиб его с первого выстрела, оципал и целую неделю хлебал и нахваливал суп. Зачем надо было лететь этому косачу в деревню? Непонятно. Да еще как дураку так долго сидеть на березе. Если б хозяина, у которого Федя выпросил ружье, не было дома, если б он ушел, например, в магазин или на какую работу, тетерев и сегодня бы был жив.

Галки и овцы

Овцы ходили в поле без пастуха, они щипали траву. Я видел, как прилетели две бойкие галки. Одна уселась на спину овце и давай тюкать носом прямо в шерсть. Овца даже как будто была рада непрошеной гостье.

«Пух дергает на гнездо, — подумал я. — Ну и ну!»

Но ведь все нормальные птицы вьют гнезда весной. Что это за галка, которая вздумала устраиваться с жильем под осень? Вторая галка села на барана, но тому это не понравилось или было не до галок. Тогда она села

на другую овцу.

Позже местный ветеринар сказал мне, что галки вылавливают в овечьей шерсти личинок. Вот, оказывается, почему овечкам нравились визиты этих в общем-то неприятных сварливых птиц!

Про баранов

Я говорил уже, что Федя человек прогрессивный и очень любит всякую технику. Он выписал по почте машинку для стрижки овец и быстро научился ею орудовать. Когда он остриг овец бабушки Марьи, ему не стало отбоя от просителей.

— Да вы что? — отказывается Федя. — Разве у меня парикмахерская?

Но все-таки стриг. Вытаскивал из-под шкафа длинный резиновый шнур, включал вилку в телевизионную розетку и через окно подавал машинку на улицу.

В тот же вечер Лидия притащила под окно своего все еще не стриженного барана. Баран упирался и не хотел идти, он хрипел и по-дурацки блял. Лидия то тащила его за рога, то ехала на нем чуть не верхом. Зигзагами.

Федя критически оглядел барана:

— Мало его остричь. Его бы обрить надо, вишь, до чего упрям.

— Да ведь замерзнет, — возразила Лидия.

Федя обкорнал барана за пять минут. Стриженный баран всем показался тощим и маленьким.

Я держал его за рога, пока Лидия складывала шерсть в старую наволочку.

— Да отпусти ты его, отпусти, — сказала Лидия, — овец-то еще не застала.

Я отпустил барана. Он отбежал на дорогу. И встал, хрипло блял. Он как будто недоумевал, привыкая к новому, «раздетому» состоянию.

— А хватит и пофорсил! — сказал Федя.

В это время я увидел дедка Остахова, который тащил за рога другого барана.

— Лидия! — окликнул дедко. — Опять твой баран с моими овцами! На, забирай.

Лидия всплеснула руками. Дедко действительно тащил ее барана, она остригла по ошибке остаховского...

Федя хохотал на траве. Дедко Остахов сокрушенно разглядывал своего стриженного, все еще не отпускавая чужого лохматого.

— Дак на, шерстку-то, — Лидия несмело подавала дедку наволочку с шерстью.

— Да нашто мне шерсть? Я овчину хотел выделать... Ну, может, к зиме и вырастет... Шут с ним.

И дедко из рук в руки передал Лидии ее нестриженного барана. Сам взял наволочку. Лидия сокрушенно потащила домой своего барана. Федя предлагал остричь и этого, но она наотрез отказалась.

Времена меняются

Ферму, на которой работала жена Феде, перевели в другую деревню, в четырех километрах от дома. Каждый день Егоровна поднималась глубокой ночью. Днем она появлялась дома часа на два-три, затем бежала на дневную дойку. Потом вновь приходила домой на час-полтора и опять торопилась, теперь уже на вечернюю дойку. Вечером приходила часов в десять.

И так каждый день, из месяца в месяц. (Понятно, почему Феде приходилось зачастую доить свою корову и быть шеф-поваром.)

Я высчитал, что Егоровна проходила в день в среднем 24 километра только туда-сюда. Следовательно, за 10 дней у нее получалось 240 километров. Наконец кому-то пришло в голову, что так дальше нельзя. И вот председатель разрешил Егоровне ездить на ферму на Верном. Федя

научил жену седлать коня и забираться в седло.

Егоровне сразу стало легче.

Верный, не в пример корове Поляне, смирно стоял, пока Егоровна седлала его и забиралась наверх. Егоровне отнюдь не приходилось надевать Федину фуражку, чтобы оседлать мерина. Почему же Феде приходилось надевать платок Егоровны, когда он доил корову? Я долго думал над этой несправедливостью. И ни до чего не додумался, кроме как до нового, еще более сложного вопроса: почему, собственно, мужчина Федя должен доить корову, а женщина, Егоровна ездить в седле? В здешних местах испокон веку все было наоборот: мужчины делали мужское дело, женщины — женское. Вот как меняются времена!

Рома

Однажды ранним утром я пробудился от странного низкого звука. Вроде бы ревел двигатель пролетающего реактивного самолета. Но звук то и дело прерывался. Нет, на самолет не похоже. Машины тоже так не рычат, даже когда буксуют.

Этот рев приближался. Я выбежал за угол и порядком струхнул: громадный бык шел напрямик. В нем была добрая тонна весу. Он даже не взглянул на меня, с низким печальным и угрожающим ревом прошел мимо. Изредка он останавливался, клонил большую рогатую голову и скреб землю копытом. Из-под копыта далеко назад летели дерновые клочья. Он уходил все дальше и дальше, по дороге к центральной усадьбе. В тот день я не узнал о нем ничего. Но на следующее утро все повторилось точь-в-точь. По деревне снова прошел бык. Что такое? Второй? На третье утро — опять то же самое. Непонятно. Сколько же всех быков на ферме? Егоровна рассказала мне, в чем было дело.

Быка, по кличке Рома, перегнали недавно с центральной усадьбы на ферму Егоровны. Когда его выпустили утром со двора, он не захотел

ходить в новом стаде. Несмотря на все старания пастуха, он пошел домой, обратно на свою центральную ферму. Оглашая деревню печальным угрожающим ревом, Рома прошел километров пять и остановился у дорожной развилки. То ли оттого, что не знал, какую дорогу выбрать, то ли из-за оводов, бык не решился идти дальше и замешкался. Конные пастухи догнали его и возвратили, куда положено.

Однако на следующее утро он снова пошел туда, где привык. Его неудержимо влекло к знакомому стаду, в родные места. Но, по-видимому, он забыл дорогу домой, потому что каждый раз останавливался у развилки. Так повторялось много раз. Наконец пастухам надоело ездить, и они махнули на Рому рукой. Неприкаянный, одинокий, бык бродил около деревень, тоскуя по дому. Иногда он останавливался и подолгу стоял на одном месте. Что таилось в этой большой голове? В печальных круглых, отливающих синевой темных глазах сквозило что-то нездешнее и тоскливое. Но иногда глаза Ромы наливались кровью, и он с ревом начинал отбрасывать землю копытом. Теперь на него никто не обращал внимания. Рому даже не пытались загонять во двор. Он ночевал где придется, то в поле, то в старом гумне. Видя, что никому не нужен, бык перестал даже реветь. Целыми часами он стоял в поле или бесцельно бродил у стогов.

В один прекрасный день в деревню с руганью прибежала Лидия. Оказывается, бык перекувыркнул сметанный ею стог сена. После этого Рома перекувыркнул еще несколько стогов. Я сам видел однажды, как Рома бродил около стога, потом вдруг подцепил стог под самое основание. Стожар был крепкий, стог качнулся, но не упал. Я был далеко и закричал. Хотел бежать с палкой, чтобы отогнать Рому от стога. Но струсил, да было уже и поздно. Рома уперся ногами в землю, зарылся рогами в сено, и на моих глазах стог повалился набок. Что значили какие-то четыре-пять центнеров для такой туши?

После этого его уже не выпускали из стойла. Все перевернутые стога пришлось переметывать. Так отомстил людям этот бык за то, что перевели на чужбину.

Последняя синичка

Сидел я за столом в горнице и не заметил, как потемнело в воздухе. Взглянул в окно и вижу: на проводе, совсем рядом, сидит синичка. Сидит и вытягивает головку то влево, то вправо. При этом ее тоненький клювик открывался и закрывался. Что это она делает? Я подошел к окну и забыл про синицу: сверху медленно летели снежинки. Вот почему потемнело на улице. Лето кончилось. Пришло время уезжать из этой деревни.

Синичка все поворачивала головку то туда, то сюда. Я пригляделся и увидел, что она ловит ртом снежинки. Ах, лентяйка! Ей не хотелось лететь на реку. Она утоляла жажду снежинками. Никогда такого не видел. А может, она принимала снежки за мошкарку и ловила. Не зря ведь говорят про первый снежок: «Полетели белые мухи».

Эта синичка была последней из всей деревенской живности, с которой я познакомился в это лето. Ночью Федя проводил меня за околицу на автобус. Мне не хотелось покидать эти места.

Конечно, я далеко не все рассказал о здешних животных, зверях и птицах. О них можно было бы еще много рассказывать, но я боюсь, что уже наскучил читателю.